

розой самооценке, для студентов — связанная с межличностными эмоциональными отношениями, для рабочих — с чем-то новым и неожиданным.

2. В старшей группе испытуемых (старше 40 лет) влияние возраста перекрывает индивидуальные различия по толерантности к неопределенности.

3. С возрастом люди становятся более близкими по фактору толерантности к неопределенности.

4. Испытуемыми делается больший акцент на понимании неопределенности как внутреннего состояния — неуверенности в себе, тревоги, ожидания, беспокойства.

5. Существует связь между степенью структурированности деятельности и изучаемой характеристикой: чем более структурирована деятельность, тем меньше толерантность к неопределенности.

К. А. Медеуова

Семипалатинск

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИДЕОЛОГИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Широко распространенная в среде западных интеллектуалов точка зрения на проблему национальной идентичности как проблему вредную, актуальность которой исчерпана цивилизационным прошлым, спровоцирована определенным историческим напряжением при реализации этой проблемы в том самом цивилизационном прошлом. Негативная память о национал-социализме задает определенные рамки исследований в национальном вопросе. Современная тематика и дискурс национальной идентичности в качестве самоограничивающего принципа устанавливают определенные пределы допустимой национальной идентичности, а именно принцип приоритета территориального над собственно национальным: т. е. эманация национального не должна допускать территориального, а следовательно, политического передела мира. Экстатические национальные идеологии начала века сменились на теории, где национальная идентичность начинает интерпретироваться как культурная идентичность, включающая в себя факторы языковой, религиозной и собственно исторической идентичности, в ракурсе политического пролонгирования.

Таким образом, национальная идентичность своим концептуальным ядром не только затрагивает проблемы политической идентичности, но нередко и заменяется ею. В этом смысле характерным является замечание типа: «...совпадение политического и национального дает принцип, являющийся желанным для борющегося за свободу народа прежде всего потому, что его осуществление должно вести к возрождению его культуры: языка, традиций, религий, изучению истории, уважению к Отечеству — и в целом к обретению поправленного достоинства»⁶⁹. Смешение политического и национального выступает как условие культурной сатисфакции.

Механизмы культурной сатисфакции, обостренные развалом Советского Союза, проявились через своеобразный парад культурных автономий. Реабилитация культурного происходила через актуализацию национального. Национальное в культурном, культурное в национальном — такова тенденция последних лет. Механизмы культурной сатисфакции вписываются в еще одну достаточно сложную проблему — проблему цивилизационной идентичности. Цивилизационные критерии, предъявляемые в первую очередь к самим этнокультурным единицам, формируют дополнительные параметры для национальной идентичности. Одним из таких параметров является включение толерантности как ценностной мотивации в идеологическую парадигму. Идеологическая наполненность концепций толерантности европоцентристскими представлениями о структуре и механизмах мироустройства выписана теориями гармонической совместимости: «общественного договора», «естественного права», где толерантность интерпретируется как предел социальной свободы. Расширение понятия «мировое целое» в XX в., хотя и показывает односторонность концепций европоцентризма, но сохраняет толерантность как установку зрелых социально-политических систем. С другой стороны, неактуализированное идеологическое значение толерантности для народов, переживающих ранний период национальной идентичности, вызывает нетолерантное отношение со стороны зрелых социально-политических систем. В качестве промежуточного вывода можно говорить

⁶⁹ *Ахметжанова Г., Садыков Н.* Кризис идентичности в Казахстане: удастся ли избежать конфликта? // Евразийское сообщество. 1998. № 2. С. 32.

о том, что национальная идентичность, порождающая переделы политических границ, будет категорически отвергаться и встречать сопротивление со стороны европоцентристских, глобалистских теорий, в том числе и теорий толерантности. Тенденции XX в. — это пересечение и противопоставление этноцентристских теорий и теорий глобалистского характера.

Почему же очевидность концептуальной опасности, исходящей от теорий национальной идентификации, не останавливается предельной рефлексией теорий толерантного мира? Ответ на этот вопрос следует искать в самоочевидности самого идентификационного порыва. Любая эссенциалистская попытка описания этого процесса при помощи некоего конечного набора признаков будет безуспешной. Но любая такая попытка описания идентичности есть подтверждение того, что сами процессы национальной идентичности имеют место быть, потому что идентичность — это символизация процесса различения, хотя идеологическое ожидание совпадает со своей символизацией только в постфактумном режиме. Например, тогда, когда мы констатируем на уровне социологического анализа, что есть рост национального самосознания или каковы темпы его распространения. И пока мы пытаемся применить в качестве превентивных мер, останавливающих этот рост национальной идентичности, другой тип идеологии (в нашем случае — идеологию толерантности), мы всегда будем иметь несоответствие этих уровней идеологии. Для сторонников национальной идентификации в качестве решающего аргумента будет выступать идея культурной сатисфакции. Для сторонников идеологии толерантности толерантность — это мета, установка на сохранение реального, на соглашение с фиксированным в этот пространственно-временной момент территориально-политическим, культурно-историческим прошлым как десигнатором настоящего. Для первых потеря свободы идентификации воспринимается как потеря реального. Для вторых наступление на «чужую» идентификацию является условием актуализации собственной идентификационной картины, демонстрации ее «смыслоисторического» характера, а принцип толерантности используется как предельный принцип истолкования человеческой истории.

Здесь следует оговорить, что эта схема охватывает только ситуацию, когда сталкиваются те культурно-исторические номиналии, которые имеют разный разбег в истории, когда речь

идет о «молодых» или новых национальных государствах и так называемых цивилизационно ответственных «старых» национальных государствах. Что столкновение идеологических форм само по себе непродуктивно, поскольку толерантность и национальная идентичность как идеологические универсалии имеют разные аксиологические параметры и поэтому несовместимы. Не потому, что первое — это хорошо, а второе — плохо, а потому, что нет принципиальной разницы в символикации этого реального. Любая идеология есть искажение и перспективы, и ретроспективы, есть предзаданность социального будущего и исторического прошлого одновременно.

Н. Б. Мельник
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА НЕНАСИЛИЯ В ФИЛОСОФСКО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ж.-Ж. РУССО

Великий французский философ Ж.-Ж. Руссо одним из первых начал провозглашать идеал свободного воспитания, развиваемый впоследствии многими мыслителями. И хотя модель свободного воспитания, созданная Руссо, безупречна и может быть объектом критики, сама идея свободного воспитания до сих пор питает педагогическую мысль, рождая все новые конкретные практические модели ее воплощения. Педагогические взгляды Ж.-Ж. Руссо сосредоточены в его всемирно известном произведении «Эмиль»⁷⁰. В этой и ряде других работ Руссо отвергает современную ему образовательную традицию, которую он считал насилием над ребенком. Не принимает Руссо и педагогических воззрений философов Просвещения, например Локка, уповающих на как можно более раннее интеллектуальное развитие, развитие способности рассуждать.

В качестве альтернативы французский философ предложил теорию естественного свободного ненасильственного воспитания. В ней можно проследить проявление идеи ненасилия и свободы во всех элементах педагогического процесса. В центре педагогической концепции Ж.-Ж. Руссо — естествен-

⁷⁰ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактааты. М., 1969.